На уроке алхимии Гун Чжоу проявил себя вполне достойно. Памятуя о суровом уроке, полученном из-за невнимательности на лекции по талисманам, в этот раз он вел себя тише воды ниже травы, если не считать того момента, когда бегал к Се Яну клянчить сахарную пудру.

К тому же рядом сидел такой алхимический гений, как Цзян Циньжо, готовый в любой момент подсказать и направить. Благодарю этому под самый конец занятия Гун Чжоу наконец-то сумел успешно выплавить порцию кровоостанавливающего порошка низшего качества.

Пускай внешне это варево выглядело на редкость уродливо, Гун Чжоу остался сыт по горло и этим.

В конце концов, Янь Янь, который из кожи вон лез, желая обставить его по всем статьям, выдал нечто еще более непотребное, да к тому же по качеству оказавшееся худшим из худших — такую бурду даже использовать было нельзя.

Что касается остальных личных учеников, то за исключением Сюэ Бинъянь и Ло Шуанбая, обладавших ледяными духовными корнями, всем остальным тоже худо-бедно удалось сотворить по порции базового порошка низшего качества.

Старейшина Даньлу остался вполне удовлетворен итогами сегодняшнего занятия и перед тем, как покинуть аудиторию, обратился к ученикам с напутственным словом:

— Я прекрасно знаю, что среди вас, личных учеников, истинным талантом к алхимии наделены единицы. Однако, невзирая на прочие дисциплины, я искренне надеюсь, что каждый из вас научится готовить хотя бы простейшие порошки вроде кровоостанавливающего или восстанавливающего силы. Вы не можете быть уверены, что никогда не окажетесь в одиночестве без посторонней помощи, и уж тем более не можете гарантировать, что в один прекрасный день у вас не иссякнут запасы готовых пилюль. Только освоив эти базовые спасительные средства, вы сможете сохранить себе жизнь в случае грядущего кризиса.

Все сочли старейшину Даньлу исключительно добрым человеком, а его слова — крайне резонными. Вот только урок уже подошел к концу, а наставник всё продолжал и продолжал сыпать наставлениями, что было уже не к добру!

Ребятам до смерти хотелось использовать заветную пятнадцатиминутную перемену, дабы хоть немного развеяться и подышать воздухом.

Однако старейшина Даньлу никак не желал уходить, из-за чего никто не смел даже шелохнуться, что создавало довольно гнетущую атмосферу.

Так продолжалось до тех пор, пока в двери не заглянул старейшина Чжэньань, которому надлежало вести урок по построению массивов, и решительно не выставил коллегу вон:

— Сейчас время отдыха, так что устраивайтесь поудобнее, племянники. Я зашел лишь для того, чтобы выдворить одного засидевшегося товарища, и сейчас сам уйду.

С этими словами старейшина Чжэньань оставил на кафедре заготовленные наглядные пособия и развернулся, намертво перекрыв дорогу старейшине Даньлу, который явно подумывал развернуться и продолжить лекцию.

Вышедший на улицу проветриться Гун Чжоу при виде этой сцены невольно выдохнул:

— А старейшина Чжэньань — хороший человек!

— И то правда, — Янь Янь впервые в жизни согласился с мнением Гун Чжоу.

Тут уж ничего не поделаешь: пускай во время урока старейшина Даньлу и казался им сущим ангелом, но даже самый святой человек не имеет права задерживать учеников после звонка!

Так что старейшина Чжэньань, который самолично явился ради их вызволения, выглядел в их глазах куда привлекательнее.

— Послушай, если наставника по алхимии зовут Даньлу, мастера по талисманам — Фушоу, а учителя по массивам — Чжэньань, то завтрашнего преподавателя кузнечного дела должны звать как-то на букву «Ци»? Звучит как-то не очень, — озадаченно пробормотал Янь Янь.

Гун Чжоу тоже невольно поплыл по течению чужих мыслей:

— И какое имя можно придумать на эту букву? Цисы — «до смерти зашибить»?

Проходивший мимо Се Ян не сдержался и отвесил ему легкий подзатыльник:

— Ты же сам говорил, что на вашем пике Цзяньци есть старейшина Цикан?

Старейшина Чжэньань, услышав это копошение, обернулся и окинул парней мимолетным взглядом, мысленно забавляясь. Похоже, в нынешнем году все главные баламуты и возмутители спокойствия среди личных учеников достались пику Цзяньци — до чего же отрадный факт, ха-ха-ха!

Надо будет на днях всенепременно пересечься со старым приятелем Циканом и в красках расписать ему двух новоприбывших шутов с его собственной вершины.

Когда начался урок, старейшина Чжэньань то и дело бросал выразительные взгляды в сторону Гун Чжоу и Янь Яня. Из-за этого два самых неугомонных новичка чувствовали себя точно на иголках и вели себя тише воды, ниже травы.

Вот только у Янь Яня не обнаружилось ни малейшего таланта к построению массивов: чем больше усердия он прилагал, тем плачевнее выходил результат. Мало того что он так и не сумел воздвигнуть ни единого барьера, так еще и ухитрился перепортить добрую половину выданных ему расходных материалов.

У Гун Чжоу дела продвигались повеселее — всё-таки двадцать баллов понимания давали о себе знать, к тому же в прежние времена Се Ян не раз насильно усаживал его за учебники. Благодаря этому юноша довольно шустро сумел развернуть простейший защитный массив низшего качества.

На радостях Гун Чжоу моментально возгордился и воспарил духом настолько, что осмелился подойти к Цзян Цинжо, дабы авторитетно поучить того уму-разуму.

Цзян Цинжо с самым покладистым видом слушал чужие разглагольствования, однако руки его при этом жили собственной жизнью. Не успел Гун Чжоу закончить речь, как перед его собеседником уже сиял развернутый защитный барьер высшего качества.

Гун Чжоу в один миг лишился дара речи от изумления:

— Младший брат Цян, у тебя же талант к массивам оценен всего в пятьдесят пять баллов!

Отчего же ты кажешься во сто крат круче меня?

Янь Янь лишь пренебрежительно фыркнул:

— Вообще-то пятьдесят три балла — это изначально куда круче твоих двадцати, разве нет?

И пускай по общепринятым меркам оба результата не дотягивали до твердой пятерки, в вопросах врожденного понимания подобная разница оставалась колоссальной.

Цзян Циньжо мягко улыбнулся:

— Нашему клану Цзянь ради выращивания духовных трав тоже приходится обустраивать великое множество самых разных массивов — к примеру, Массив весеннего ветра и живительного дождя или Массив поглощения солнечного света. Так что со всеми этими вводными техниками я ознакомился еще задолго до поступления в орден, оттого и результат вышел сам собой.

— Но почему же ты тогда не стал со мной спорить? — недоумевал Гун Чжоу.

Цзян Циньжо вновь тепло улыбнулся:

— Я видел, с каким упоением ты рассказываешь, и мне просто не хотелось тебя прерывать. К тому же выстраивание барьеров для меня — дело довольно монотонное и скучное, так что я был только рад, если кто-то составит мне компанию за беседой.

Гун Чжоу в один миг расчувствовался до глубины души:

— Младший брат Цян, в наши дни таких деликатных и чутких людей, готовых сберечь чужое лицо, днем с огнем не сыщешь!

Не то что А-Ян, который только и делает, что при каждом удобном случае выбивает у него почву из-под ног. И уж точно не то что Янь Янь, который даже при полном отсутствии поводов для придирок всенепременно вставит свои пять копеек.

— Да я вовсе не пытаюсь казаться добреньким. Просто находил твои речи весьма занимательными, к тому же говорил ты чистую правду, упустив лишь пару незначительных деталей.

Цзян Циньжо с улыбкой поманил Гун Чжоу рукой:

— Присаживайся поближе, я разберу для тебя эти моменты поподробнее.

Гун Чжоу столь редко удостаивался подобного мягкого и ласкового обращения, что у него натурально пошла кругом голова. Сам не свой от нахлынувших чувств, он, еще не успев толком сообразить, что к чему, уже послушно устроился на циновке бок о бок с Цзян Циньжо.

Старейшина Чжэньань, наблюдая за их взаимодействием, не стал делать никаких замечаний. Он не отличался такой закостенелостью, как старейшина Фушоу, и совершенно не возражал, если ученики общались прямо во время урока.

Даже если они время от времени отвлекались на посторонние разговоры — пускай их, лишь бы в конечном итоге исправно сдавали заданную им работу.

В данный момент всё его внимание было приковано к Се Яну и Се Сы, а на лице наставника

читалась причудливая смесь из семи долей искреннего восхищения и трех долей глубокого недоумения.

Эти двое носили одну и ту же фамилию Се, их имена имели схожую структуру, черты лица совпадали наполовину, а уж овал лица и форма губ и вовсе были точь-в-точь одинаковыми — с первого взгляда становилось ясно, что перед ним близкие родственники!

Но как назло, сами они утверждали, будто знать друг друга не знают, да к тому же один происходил из клана Се Центрального континента, а второй — из клана Се Западного континента.

Семейство Се Центрального континента наряду с Цзинь Центрального континента, Цзянь Восточного континента, Юнь Западного континента, а также Янь и Лэй Южного континента и Лу со Сюэ Северного континента принадлежало к числу великих древних родов. Их история вела свой отсчет с незапамятных времен и была куда более продолжительной, нежели у семи крупнейших орденов Центрального континента.

Ветвь семейства Се на Западном континенте откололась от основного древа Центрального континента добрых две тысячи лет назад, и с тех пор они практически не поддерживали связь. Ну не могли же они сохранить столь поразительное фамильное сходство сквозь века?

Впрочем, на свете бывали и просто похожие люди, так что старейшина Чжэньань, пускай и сомневался, не стал лезть с расспросами в чужую родословную. Куда больший интерес для него представляли таланты и реальная сила этой пары.

А уровень их мастерства в общих чертах был примерно равным.

Если судить по врожденному дару, Се Ян самую малость вырывался вперед. Вот только учился он самостоятельно, дикарем, отчего многие приемы выстраивания массивов выглядели довольно грубо, а уж к расходованию материалов парень подходил с какой-то запредельной скупостью…

И пускай конечный результат выглядел весьма недурно, старейшина Чжэньань находил, что юноше еще есть куда расти и над чем работать.

Что же касается Се Сы, то за его плечами стояла целая династия мастеров по созданию массивов, так что его стиль отличался исключительной надежностью и основательностью. Прочный фундамент, отточенные до автоматизма движения — любой мастер, глядя на его работу, не скупился бы на похвалу.

Вот только с воображением и творческой жилкой у него дела обстояли послабее, чем у Се Яна, из-за чего, имея за спиной великолепную базу, на выходе он выдавал ровно тот же результат, что и его однофамилец.

Старейшина Чжэньань переводил взгляд с одного парня на другого, находя обоих донельзя смышленными и приятными в общении.

И пускай у каждого из них имелись свои шероховатости, но если бы ученики умели абсолютно всё с самого начала, то зачем тогда вообще нужны были бы наставники?

Куда приятнее и почетнее довести до ума именно таких гениальных юношей с явными, но исправимыми изъянами!

В будущем, если представится удобный случай, надо будет почаще вызывать эту парочку к доске ради углубленного изучения массивов.

В этот миг Се Ян внезапно почувствовал, как по его спине пробежал ощутимый холодок. Он чисто инстинктивно вскинул голову и наткнулся на взгляд старейшины Чжэньаня, который смотрел на него с самой благостной улыбкой — вот только улыбка эта точь-в-точь напоминала ухмылку заправского работорговца, заманивающего в ловушку доверчивое дитя.

Се Ян поспешно опустил взгляд обратно к циновке.

— А Фэн, что с тобой? — Юнь Фэймяо подметил, как странно переменился в лице его товарищ.

— Ничего, просто показалось.

Се Ян покачал головой и как ни в чем не бывало продолжил разбирать для Юнь Фэймяо сложные вопросы, связанные с построением массивов.

http://bllate.org/book/17668/1663191